

«ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОРФОГРАФИИ» 1964 г. И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ В ПРЕССЕ (на материале публикаций 22 сентября – 16 октября 1964 г.)

В статье проанализированы «Предложения по усовершенствованию орфографии», опубликованные в советской прессе в сентябре 1964 г., и рассмотрена реакция общества на эти предложения, отраженная в СМИ, в период с 20 сентября по 16 октября 1964 г.

Ключевые слова: орфография, реформа орфографии, реформа языка, языковая политика, «Предложения по усовершенствованию орфографии».

Полемика по поводу возможной реформы русской орфографии и пунктуации начала 1960-х годов велась на протяжении нескольких лет – с марта 1962 г. и почти до конца 1960-х годов. Наиболее острые формы дискуссия приобрела после публикации в конце сентября «Предложений по усовершенствованию русской орфографии»¹. С этого момента началось бурное обсуждение нововведений, разработанных Орфографической комиссией АН СССР (далее – ОК). Продлился этот этап полемики недолго – до 16 октября, когда был смещен Н.С. Хрущев и характер дискуссии резко изменился.

Целесообразно сначала рассмотреть содержание и структурные особенности опубликованного в прессе проекта, а затем обратиться к материалам дискуссии.

«Предложения» предварялись короткой преамбулой. В ней сообщалось о создателях проекта – специальной комиссии, образованной Президиумом АН СССР и включившей в свой состав «представителей Академии наук СССР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР, Союза писателей, Министерства просвещения и Академии педагогических наук РСФСР,

ученых-языковедов, преподавателей средней и высшей школы, методистов, психологов»; об основной задаче комиссии – устранении отдельных недостатков, затрудняющих изучение русского языка, отрицательно сказывающихся на работе школ и уровне грамотности; о структуре проекта. Особо подчеркивалось, что «существующая система правил русской орфографии и пунктуации не нуждается в кардинальном пересмотре».

Проект состоял из трех разделов. Первый – «Новые правила» – включал 14 правил, которые должны были заменить полностью или частично 24 параграфа Правил 1956 г. Приведем оглавление первого раздела, отражающее суть изменений.

1. Оставить один разделительный знак *ь*.
 2. После *ц* писать всегда *и*.
 3. После *ж, ч, ш, щ, ц* писать под ударением *о*, без ударения – *е*.
 4. После *ж, ч, ш, щ* не писать *ь*.
 5. Отменить чередования в корнях: *зар-зор, раст-рост, гар-гор, плав-плов* и т. д.²
 6. Вместо двух суффиксов *-инский* и *-енский* писать только *-енский*.
 7. Вместо двух суффиксов *-ец-* и *-иц-* писать только *-ец-*.
 8. Отменить двойные согласные в иноязычных словах.
 9. Упростить написание *н-ни* в причастиях.
 10. Сочетание *пол-* (*половина*) с последующим родительным падежом существительного или порядкового числительного писать всегда через дефис.
 11. Сложные существительные, начинающиеся с элементов *вице-, унтер-, обер-, экс-, лейб-, штаб-*, писать слитно.
 12. Писать все частицы раздельно.
 13. Допустить факультативные написания флексий существительных³.
 14. Изъять исключения:
 - а) писать *жури, брошура, парашут*;
 - б) писать *заенька, паенька, баеньки*;
 - в) писать *достоев, заец, заечий*;
 - г) писать *деревянный, оловянный, стеклянный*.
- Второй раздел – «Правила, подвергшиеся уточнению или частичным изменениям» – состоял из пяти частей (в скобках будут коротко охарактеризованы предлагаемые орфографические изменения).
1. Гласные *ы* и *и* после приставок. (Допускалась вариативность для слов, включающих заимствованные корни: *предисторический* и *предысторический*.)

2. Слитное, раздельное и дефисное написания.

а) Написание отрицания *не*. (14 подпунктов с 5 примечаниями действующих правил сводились к трем. Они закрепляли семантически обусловленную вариативность написания прилагательных с *не* – *не большой* и *небольшой*; изменяли написание с *не* полных причастий без пояснительных слов: их предлагалось писать с *не* раздельно.)

б) Правописание наречий. (8 пунктов с большим количеством подпунктов и примечаний сокращались до 5 коротких формулировок. Дефисное написание отменялось, основным становилось слитное написание и допускалась вариативность в «наречных единицах, которые представляют переходный тип между наречиями и предложно-падежными конструкциями».)

3. Прописные буквы. (В 18 параграфов было внесено множество изменений разного рода: предлагалось изменить порядок параграфов, ряд правил удалить, часть обновить. Основное направление изменений – унификация написаний, устранение противоречий.)

4. Правила переносов. (Отменена рекомендация учитывать при переносе морфемные границы.)

5. Пунктуация.

Эта часть затрагивала 31 орфографический параграф Правил 1956 г.

Третий раздел проекта – «Правила 1956 г., обсуждавшиеся комиссией, но оставшиеся без изменений».

Анализ содержания проекта показывает, что изменения должны были коснуться значительной части действующего свода – 55 орфографических параграфов из 124. Однако предложения, как и заявляли реформаторы, не нарушали основ русской графики и орфографии. Значения букв остались неизменны, устранение из алфавита разделительного *ъ* и отмена *ь* после шипящих не нарушали слогового принципа, хотя и меняли привычный облик достаточно значительного количества общеупотребительных слов. Гласные и согласные в слабых позициях по-прежнему необходимо было проверять сильной позицией, т. е. принцип единообразия в написании морфем также был сохранен. Более того, действие последнего было расширено за счет унификации написания корней с чередованием и суффиксов в словах на *-инский/-енский*, суффиксов *-ец/-иц-*, а также отмены исключений *зайнька*, *паицька*, *баицьки*, *достоиц*, *заяц*, *заячий*, *деревянный*, *оловянный*, *стеклянный*. Спорным с точки зрения Ленинградской фонологической школы стали антиморфологические написания *о/е* после шипящих (*шолк*, но *шелка*) и *ци* вместо *цы* (*огурци*). Эти нововведения соответствовали

ли Московской фонологической теории и увеличивали количество фонологических написаний.

Неаргументированным с точки зрения теории орфографии является предложение ввести вариантные написания в окончаниях существительных на *-ий, -ие, -ия*. Вероятно, предложенная вариантность окончаний – это компромисс между желанием унифицировать окончания, т. е. писать в соответствии с морфолого-фонематическим принципом (*к земле – к линии, о земле – о линии, о враче – о Василии*), и опасением слишком больших и резких перемен в графическом облике слов. Та же причина просматривается в новом правиле о вариативности *и/ы* после приставок на согласный в заимствованных корнях. И морфологический, и фонологический подходы должны были выразиться в написании таких слов с *и*. Но сложившаяся традиция, отражающая фонетический процесс, вызвала сомнения в приемлемости полной унификации.

Остальные изменения не затрагивали центрального раздела орфографии – передачи буквами звукового (фонемного) состава слов, но также заключались в стремлении упростить орфографию, систематизировав разнобойные написания.

Обратим внимание на то, что причины, побудившие составителей проекта предложить вариантные написания в разделе передачи фонем буквами и разделе слитных, раздельных и дефисных написаний, были разными. Если в первом разделе вариативность была вынужденной, носившей скорее социальный, нежели собственно лингвистический характер, то разрешение двойного написания наречий (слитного и раздельного) отражало переходный характер этой части речи, избавляло от необходимости условной, не оправданной реальным состоянием языка кодификации, а возможность писать *не* с прилагательными и слитно, и раздельно закрепляла в орфографии тонкие семантические различия слов с *не*.

В заключение отметим такую особенность опубликованного проекта, как трудность для восприятия неподготовленным читателем. Хотя авторы «Предложений» и попытались удобным образом структурировать информацию, но сказать, что им это вполне удалось, нельзя. Каждая часть первого и второго разделов состояла из трех элементов. Первая – часть Правил 1956 г., которую предлагалось упростить; справа от нее печаталось новое правило или объяснялось, что именно необходимо изменить; под этими двумя столбцами располагались комментарии комиссии – аргументация в пользу принятого решения. Однако академический характер изложения, вполне естественный для академического свода правил, был доступен не всем. Встречались в проекте недоговоренности и

противоречия⁴. Все это не способствовало взаимопониманию ОК и общества, вызывало недоверие и раздражение. «Чем дальше вчитываешься в текст, – писал впоследствии Б.В. Заходер, – тем труднее сохранять спокойствие»⁵.

Перейдем к анализу полемики, вспыхнувшей после публикации проекта. За три осенние недели газеты «Известия», «Литературная газета», «Учительская газета», «Неделя», «Советская Россия», «Литературная Россия» разместили около 50 статей, заметок и писем об орфографии.

Однако оценить научные основы предложенных изменений нелингвисты, не обладавшие специальными знаниями, безусловно, не могли. Поэтому размышления, доводы в общественной дискуссии были поверхностными, чаще основанными на наблюдениях за соотношением орфографии и звучанием речи, на выявлении графических аналогий. Критики довольно часто делали на основе прочитанного неправильные выводы или задавали вполне закономерные вопросы. Так, многие были совершенно убеждены, что составители свода стремились реализовать фонетический принцип в орфографии⁶, что разделительный *ь* в формах типа *мышью* по новым правилам тоже отменен⁷, что появляются формы типа *огурцами*, *щоками*⁸ и написания *цолый* (*целый*), *цорковь* (*церковь*)⁹. Л. Коптева спрашивала, почему слово *зоря* проверять нужно словом *зори*, а не *заревом*¹⁰. В. Смирнин в принципе не понял предложения комиссии о написании наречий¹¹. Таким образом, одной из причин негативного отношения к проекту следует признать недостатки в изложении орфографических новшеств.

Если на протяжении более чем двух лет реформа обсуждалась преимущественно языковедами, учителями и методистами, то в сентябре–октябре 1964 г. наиболее активными участниками дискуссии стали писатели, поэты, литературоведы и представители разных других профессий, не столь тесно связанных с письмом. Большинство из них восприняли проект остро отрицательно, хотя и соглашались с отдельными новациями. Педагоги и филологи, за редким исключением, выразили готовность принять значительную часть орфографических и пунктуационных нововведений. Однако диапазон мнений в обоих лагерях был очень широк.

Категорически против всех предложений выступили поэт Л. Кондырев, офицер запаса Г. Чикнаверов и учительница С. Рабина. Н.П. Задорнов и Б. Коган считали спорными почти все предложения. Незначительную часть новых правил согласны были одобрить писатели и поэты С.И. Кирсанов, Л.М. Леонов, В.М. Инбер,

Г.И. Серебрякова, С.И. Шуртаков, А.Е. Адалис, а также А. Спасокукоцкий, А. Тудоран и В. Пеку, П. Зимин, методист Л. Невинская.

Большинство изменений было поддержано писателем С.С. Тхоржевским, журналистом В. Калугиным, литературоведом В.Я. Кирпотиним. К ним примкнули филологи И. Пехтелев, А.В. Калинин, Ю. Солоницын, А. Балыбердин, Л. Санжаров, методист И. Пленкин, историк В. Смирнин, учителя И. Лизогубова, А. Щагина, группа учителей из Севастополя (Ц.Г. Одинокая и другие), а также не указавшие своей профессии Ж. Хаймашева, В. Удалов и некоторые другие.

Проект не вызвал никаких возражений у филолога и писателя Л.В. Успенского, литературоведа В.Б. Шкловского, методиста Т.А. Ладыженской.

Создатели проекта, сотрудники Института русского языка, также публиковались в этот период. Их позицию можно охарактеризовать как оборонительную: они отвечали на выпады и упреки. 8 октября разъяснения, «почему *огурци*, а не *секция*», в «Известиях» дает Н.А. Еськова¹², а Л.К. Максимова в «Литературной газете» старается убедить, что *доч* не потеряет своего очарования¹³. 12 октября М.В. Панов для читателей «Известий» аргументирует те предложения, которые больше всего возмутили критиков¹⁴. Лишь в газете «Неделя» за 20–26 сентября превентивно была опубликована статья секретаря комиссии Б.З. Букчиной и Л.К. Максимовой о том, как работали авторы проекта¹⁵.

Прежде чем обратиться к содержанию орфографических материалов сентября–октября 1964 г., следует отметить одну их важную особенность. Создается впечатление, что появление проекта стало для большей части общества полной неожиданностью и с продолжительной дискуссией по поводу необходимости изменения орфографии, которая протекала до сентября 1964 г., новые участники полемики незнакомы. Из статьи в статью повторяются недоуменные вопросы: «Зачем и почему? Кому надо? Для чего надо?»¹⁶, «Зачем же тогда делать реформу?»¹⁷, «Какой насущной необходимостью вызвано усовершенствование русской орфографии?»¹⁸, «К чему она?»¹⁹, «“Заец”? Почему?»²⁰ и т. п.

Ответы, объясняющие необходимость реформы, у всех ее сторонников, кроме М.В. Панова (его статья завершала этот период), не были подробными:

- «жизнь потребовала решения этого вопроса»²¹;
- «освободится огромное количество времени» и «можно будет уделять больше внимания творческим упражнениям по развитию речи школьников, воспитанию логического мышления»²²;

– «все народы от времени до времени бывают вынуждены перестраивать системы своего правописания, подгоняя и приравнивая их косные и неподвижные рамки к вечно изменчивым, вечно развивающимся все новым и новым состояниям живой речи»²³.

Вероятно, следившим за дискуссией сторонникам реформы не казалось нужным опять отстаивать ее необходимость: этот этап они уже прошли в 1962–1963 гг. Предыдущие годы полемики убеждали, что без упрощения письма не обойтись и что «так думают все»²⁴.

Однако оказалось, что многие думали иначе. Реформа провоцирует порчу языка – заявили В.Я. Кирпотин (именно он употребил это сочетание слов), Г.И. Серебрякова и С.И. Шуртаков. Механизм обеднения языка объяснялся ими ненаучно, но часто очень поэтично:

[Слова с орфографическими корнями *-зар-* и *-раст-*] обогащают художественную палитру языка, сообщают ему тончайшие оттенки и придают ему ту самую певучесть и музыкальность, которые мы так любим и ценим. Сравните, как звучит заря-зоренька и зоря-зоренька. Если первое дает как бы своеобразную раскраску языку и похоже, скажем, на двухцветный иван-да-марью, то второе уже просто тавтологично, одноцветно. Вряд ли кому-то захочется в будущем употреблять подобные одноцветные сочетания... Да и в наших великолепных сказках при переизданиях, видимо, пришлось бы многое переименовывать – мести, так чисто²⁵.

Писательница Г.И. Серебрякова почувствовала серьезную опасность для «лучших поэтических произведений, где, как в час землетрясения, рассыплются многие рифмы и по-другому зазвучат строфы стихов»²⁶.

«...Ни одна, даже самая авторитетная комиссия не располагает и не может располагать таким точным компасом, который бы безошибочно указывал: вот это трогать в языке можно, а это нельзя», – уверял Шуртаков²⁷.

Заставлял усомниться в необходимости значительных преобразований в орфографии целый ряд экстралингвистических причин:

– десятки миллионов грамотных людей вследствие реформы окажутся неграмотными, а тысячи потеряют профессиональную квалификацию (Г. Чикнаверов, С.И. Шуртаков, И. Тырин, В. Смирнин);

– придется переучивать миллионы людей, а значит, создавать новые хлопоты, заботы людям, отрывать их в часы досуга от чтения классиков и заставлять штудировать новые правила (Н.П. Задорнов, С.И. Шуртаков);

– так как человек учится орфографии читая, огромные книжные богатства, сотни миллионов книг старого издания, станут «рассадниками неграмотности» (Г. Чикнаверов, В. Смирнин, С.И. Шуртаков);

– на переучивание, переиздание литературы уйдут колоссальные суммы (Г. Чикнаверов, И. Тырин, А. Тудоран и В. Пеку);

– придется изменить порядок слов в словарях (В. Смирнин).

Своевременна ли реформа? – спрашивали Н.П. Задорнов и И. Тырин, а Л.М. Леонов и В.М. Инбер напоминали, что всего семь лет назад, в 1956 г., уже состоялась реформа орфографии, и призывали не менять правописание столь часто. Нужнее стабильность – добавлял к их рассуждениям С.С. Тхоржевский.

Но важнее для многих были не все вышеперечисленные факторы, а, как написал В.Я. Кирпотин, чувство отчуждения, которое вызывают новые написания. «Нет, что-то рука не идет», – сообщает о своих ощущениях Н.П. Задорнов после попытки записать *Мыши свела огурци*²⁸. «...Мне трудно отказаться от того, с чем я сроднилась», – рефлексировал В.М. Инбер²⁹. «У русского языка есть звуко-буквенная эстетика», – уверен С.И. Кирсанов³⁰. «Лично я негодную по поводу огурцов и пловцов: это что за огурци и пловци?! Ни за что на свете не стану привыкать к таким словам. Это же просто некрасиво!» – восклицает школьница А. Глущенко³¹.

Заместитель председателя ОК М.В. Панов в статье 12 октября³² – завершающей публикации этого короткого периода – старается отразить все антиреформаторские нападки. Он уверяет, что некоторая часть закрепленных традицией написаний – «бессмысленных атавизмов» – нелогична, противоречит общей системе, а их изучение «берет десятки часов, нужных для других дел», что орфография должна меняться, приравливаясь к постоянно меняющемуся языку, что орфография должна быть последовательна и что изменений требует внутренняя логика русской орфографии. Лингвист рассказал о той большой подготовительной работе, которую проделала комиссия: «были изучены все труды по теории и практике русской орфографии», «были подняты все архивы с материалами прежних обсуждений». В результате специалисты выявили важную тенденцию в развитии русского письма – из него «постоянно и неизменно убывали “дифференцировочные написания”». Составители проекта старались следовать этому эволюционному направлению. «Ни одно предложение комиссии не затрагивает язык», язык не будет испорчен – успокаивал М.В. Панов. Причина подобных страхов основана на «убогом и невежественном» отождествлении орфографии и языка. Все предложения, вынесенные

комиссией на обсуждение, – результат кропотливой научной работы десятков ученых.

Интересно, что многие критики проекта сравнивали «Предложения» с изменениями, произведенными в 1918 г. Они все были убеждены, что та реформа прошла единогласно и безболезненно: «Это было закономерно. Алфавит обрел ясность, законченность, его формы стали рельефнее и строже»³³, «...думается, никто не оплакивал их [ера и ятя. – Е. А.] утрату»³⁴. М.В. Панов опроверг эти идиллические представления: фортунаговской комиссии также пришлось выслушивать упреки в искажении языка, а при принятии проекта в 1918 г. список изменений подвергся случайному сокращению и только по этой причине ь все еще пишется после шипящих.

Хотя в центре внимания критиков снова оказался вопрос о целесообразности реформы орфографии, они рассуждали и о приемлемости проекта в целом, и о необходимости конкретных нововведений. Можно выделить три основные точки зрения на «Предложения». Первая заключается в положительной оценке проекта: новые правила проще, разумнее, уменьшают количество детализаций, исключений, поэтому они облегчат усвоение правописания, сократят перегрузку учащихся. Так считали И. Лизогубова, Н. Пленкин, В. Калугин, В.Я. Кирпотин, Т.А. Ладыженская. Н. Пленкин отметил, что новшества «не ломают общих традиций», не образуют непроходимой пропасти между старым и новым письмом, что проект «тщательно продуман и обстоятельно составлен»³⁵.

Однако была и противоположная точка зрения: введение предложений комиссии не облегчит усвоение орфографии (Б. Коган); лингвисты, стремясь к унификации, создают новые исключения, исходят из противоречивых принципов (С.И. Кирсанов); проект содержит немало «непродуманных, не до конца выверенных предложений» (И. Тырин); изменения непременно скажутся на произношении (В. Смирнин). Нужно отметить, что, критикуя проект, участники дискуссии чаще всего не подкрепляли свои тезисы никакими весомыми аргументами, рассуждали наивно, демонстрируя низкий уровень лингвистической компетенции.

Помимо названных точек зрения, существовала еще одна. И. Лизогубова, А. Калинин, Ю. Солоницын, Н. Пленкин, В. Калугин, Ц.Г. Одинокая не были вполне удовлетворены проектом, потому что, по их мнению, сделано недостаточно, обновленные правила не решают в полной мере поставленной задачи, они все равно сложны и требуют еще большего упрощения. Вызывало неудовольствие и то, что ничего не сделано для облегчения написания сложных прилагательных.

Обсуждая отдельные нововведения, участники дискуссии довольно часто не называли правил, которые они одобряют, а перечисляли лишь те, с которыми не были согласны. Поэтому определить с достаточной точностью, что казалось критикам приемлемым, не удается.

Рейтинг непринятых изменений возглавили написание *ци* (17 голосов «против») и отказ от *ь* после шипящих (12 голосов). Далее с большим отрывом следуют новые правила об *о* и *ё* после шипящих, о разделительном *ь* (по 5 голосов) и о написании окончаний глаголов (4 голоса). Предложения отменить чередования в корнях слов, удвоенные согласные в заимствованных словах, унифицировать некоторые суффиксы, упростить правило написания частиц и некоторые другие вызвали возражения одного-двух человек. Никто не имел ничего против написаний *парашут* и *брошура, пол*, новых принципов употребления прописной буквы.

Положительные отзывы получили изменения в правилах о разделительных знаках (6 голосов «за»), об удвоенных согласных в заимствованных словах и об *и* и *ни* (по 5 голосов), о переносе слов и прописной букве (по 4 голоса) и ряд других (менее 3 голосов). Но, подчеркнем еще раз, этот список неполон, так как участники дискуссии, выражая согласие с некоторыми предложениями, чаще не конкретизировали их.

Особого внимания заслуживает полемика, завязавшаяся по поводу факультативных написаний. В целом за обоснованность орфографических вариантов высказались филолог Л.Н. Санжаров, учительница И. Лизогубова и методисты Л. Невинская, Н. Пленкин, Т.А. Ладыженская. Последняя наиболее подробно аргументировала необходимость таких написаний:

С одной стороны, это позволит показать учащимся, что язык постоянно развивается и совершенствуется и что поэтому в нем есть много переходных случаев, когда трудно регламентировать правописание. <...>

С другой стороны, сознательное владение некоторыми правилами, допускающими двойное написание... требует внимания к смысловой стороне речи. И учитель должен будет показать, что от того, как ты напишешь, зависит то, как тебя поймут.

Поможет это и учителю быть более гибким при оценке письменных работ. Ученика перестанут карать за незнание некоторых тонкостей орфографии (а их все, увы, и знать невозможно). <...>

Таким образом, в конечном итоге повысится требовательность к овладению школьниками основными правилами орфографии и пунктуации³⁶.

Нашлись и противники некоторых элементов орфографической свободы. Г. Чикнаверов, Б. Коган и преподаватель МГУ А. Калинин были возмущены самой идеей: «поражает такое предложение комиссии: слова, которые употребляются в роли наречий, но ими еще не стали, – писать и так и этак – как кому удобнее»³⁷, «думается, что всякая необязательность, “двойкость” вредит орфографии, делает ее зыбкой, допуская у пишущих мысль: а может, и другие правила тоже “факультативны”?»³⁸. «Представляют ли себе члены Орфографической комиссии, к какой чудовищной безграмотности может привести одно только “право” факультативного письма?» – спрашивали А. Тудоран и В. Пеку³⁹.

Обоснования неприемлемости тех или иных написаний чаще всего умозрительны: «не нахожу в этом никакого оправдания»⁴⁰, «логика упрощения ломает живую логику языка»⁴¹, нововведения «противоречат духу языка»⁴², «вряд ли такое новшество облегчит учащимся усвоение языка»⁴³. Большинству критиков казалось, что новые написания повлекут за собой изменения в произношении. Очевидно, что для них письменная форма языка казалась первичной, определяющей устную. Вот несколько характерных утверждений:

Буква *o* [например, в слове *течот*. – Е. А.] сообщает звуку *ч* несвойственную ему твердость⁴⁴...

...Предлоги *от*, *под*, *об*, *из*, *раз*, *перед* звучат твердо, что и обозначается внутри слов твердым знаком⁴⁵.

А вот слово *касса* с одним *с* непривычно для слуха⁴⁶.

Подобные высказывания выражают недоверие к знаниям ученых. Даже после разъяснений по поводу произношения в словах типа *революция* и *огурцы*, *ночь* и *врач* лингвисты продолжали утверждать, что разница в произношении между *ци* и *цы*, *ч* и *чь* есть. Б.В. Захoder, сравнивая предложение ОК отказаться от *ь* после шипящих и отмену в 1917–1918 гг. *ъ* на конце слов, категорически не желал соглашаться с учеными: «Ну разве не ясно, что слова *дом* и *стол* невозможно произнести иначе, а написание, которое нам предлагают [*ноч*, *доч*. – Е. А.], дает простор орфоэпической фантазии читателя?»⁴⁷

Стремясь к большей убедительности, критики проекта высказывали опасения в том, что изменения, допущенные в отдельных правилах, реформаторы захотят распространить на всю орфографическую систему: «...видимо, недалеко и до следующего шага, когда языковеды предложат нам в будущем писать все так, как

слышится. Тогда начнутся споры о произношении. Лиха беда начала!»⁴⁸. Того же боялись А. Спасокукоцкий и Б. Коган. А.Е. Адалис даже пыталась составить новые словоизменительные парадигмы, которые, как она поняла из проекта, станут следствием орфографической реформы: ей казалось, что нужно будет, «мучительно гримасничая, ломать себе язык *огурцами, концами и наглецами*», а также формами *щокам, щоками, о щоках*.

Последнее замечание еще раз доказывает, что участникам дискуссии не удалось до конца понять саму суть предложений, из текста проекта они делали неверные выводы. Ошибки в толковании положений проекта встречаются в статьях сентября–октября 1964 г. довольно часто. Конечно, и в случае принятия новых правил кормить нужно было бы *огурцами*, а бить *по щекам*. Орфография этих форм не изменилась бы. Принцип «писать в соответствии со звучанием» был отвергнут учеными еще на ранних стадиях обсуждения.

Вообще недопонимание, недоверие стали серьезными помехами дискуссии. И это притом, что и сторонники реформы, и ее противники возлагали большие надежды на общественное обсуждение, очевидно, веря, что в споре будет найдена истина. «Впервые в мире реформа правописания проводится столь демократическим способом: обычно ученые-языковеды с высоты своего величия предписывали новые законы орфографии. Теперь сам народ-языкотворец будет судить о нововведениях, принимать или отвергать их большинством своих мощных голосов. И это лучшая гарантия того, что новая реформа, выработанная крупнейшими специалистами и обсужденная всенародно, окажется наилучшей из возможных реформ», – писал Л.В. Успенский⁴⁹. «Чем больше людей примет в этом [обсуждении проекта. – Е. А.] участие, тем полноценнее будет сделанное», – также был уверен П. Зимин⁵⁰.

Однако согласия достичь не удалось, проектом в целом оказалось недовольно большинство: одни по причине его радикальности, другие в связи с его недостаточностью. Дискуссия в прессе привела к взаимным обидам. Лингвистов оскорблял уровень ведения дискуссии⁵¹, неспециалисты подозревали ученых в игнорировании мнения учителей, общества, а также тех, «кто со словом работает», – писателей и поэтов.

Детальный анализ публикаций этого периода показывает, что, несмотря на обилие отрицательных отзывов в адрес проекта, против всех изменений орфографии выступили единицы. Даже самые суровые критики видели в проекте, как выразился Л.М. Леонов, «нечто разумное и целесообразное»⁵². Но положительные оценки высказывались в самом общем виде, достоинства не подчеркива-

лись, приемлемые предложения не перечислялись, и в результате создавалось ощущение, что общество отвергло саму идею реформы.

Обращает на себя внимание, что многие лингвисты ограничивались общими суждениями о проекте и не так детально анализировали нововведения, как это было на первых двух этапах полемики. Рассуждения их не выдерживали научной критики.

Однако нельзя сказать, что писатели и поэты были всегда категорически неправы и проигрывали в научном споре. Им совершенно справедливо удавалось подметить некоторые неточности формулировок, возможность разнотолкований и несогласованность новых правил. Они обратили внимание на значимость орфографической традиции в художественном тексте, на психологические трудности, к которым приведет орфографическая реформа.

Примечания

- ¹ Предложения по усовершенствованию русской орфографии. См.: Известия. 1964. 23 сент. С. 3–4; 24 сент. С. 3–4; Советская Россия. 1964. 24 сент. С. 3–4; 25 сент. С. 3–5; Учительская газета. 1964. 24 сент. С. 2–5.
- ² Новое правило отменяло также чередование в корнях *лаг-лож, клан-клон, скак-скок, кас-кос*.
- ³ Предлагались варианты окончаний для существительных м. р. на *-ий*, ср. р. на *-ие* и ж. р. на *-ия*: *о Василии – о Василие, на линии – на линии, к линии, о здании – о здании*.
- ⁴ Одно из наиболее очевидных было отмечено Б.В. Заходером. Предлагая отменить *ь*, авторы проекта в разделе о переносе оставили формулировку: «Нельзя отрывать буквы *ь* и *ь* от предшествующей согласной».
- ⁵ Заходер Б.В. «Заец»? Почему? // Литературная Россия. 1964. 9 окт. С. 19.
- ⁶ Пехтелев И. Мои замечания // Советская Россия. 1964. 3 окт. С. 2.
- ⁷ Заходер Б.В. Указ. соч.
- ⁸ Адалис А.Е. Стихия речи // Литературная Россия. 1964. 9 окт. С. 18–19.
- ⁹ Заходер Б.В. Указ. соч.
- ¹⁰ Коптева Л. Чего ради «усовершенствование»? // Советская Россия. 1964. 3 окт. С. 2.
- ¹¹ Смирнин В. «Логика» упрощения и живая логика языка // Литературная газета. 1964. 8 окт. С. 2.
- ¹² Еськова Н.А. Почему огурцы, а не секция? // Известия. 1964. 8 окт. С. 4.
- ¹³ Максимова Л.К. Усваивать правила будет легче // Литературная газета. 1964. 8 окт. С. 2.
- ¹⁴ Панов М.В. О силе привычки // Известия. 1964. 12 окт. С. 3.

- 15 Букчина Б.З., Максимова Л.К. Так работала комиссия // Неделя. 1964. 20–26 сент. С. 14.
- 16 Адалис А.Е. Указ. соч.
- 17 Недзвецкий Я. Не забывать о музыке слова // Советская Россия. 1964. 3 окт. С. 2.
- 18 Кондырев Л.Н. Едва ли это благотворно // Литературная газета. 1964. 1 окт. С. 2.
- 19 Леонов Л.М. Прошу слова // Там же. 3 окт. С. 2.
- 20 Заходер Б.В. Указ. соч.
- 21 Лизогоובה И. Яснее и разумнее // Известия. 1964. 26 сент. С. 2.
- 22 Удалов В. Если уж мести, так чисто // Литературная газета. 1964. 26 сент. С. 2.
- 23 Успенский Л.В. Наконец-то // Неделя. 1964. 20–26 сент. С. 15.
- 24 Лизогоובה И. Указ. соч.
- 25 Шуртаков С.И. Упрощение... Не опрощение ли? // Литературная Россия. 1964. 9 окт. С. 18.
- 26 Серебрякова Г.И. Осторожно! // Литературная газета. 1964. 8 окт. С. 2.
- 27 Шуртаков С.И. Указ. соч.
- 28 Задорнов Н.П. «Доч цигана съела огурци» // Литературная газета. 1964. 26 сент. С. 2.
- 29 Инбер В.М. Давайте подумаем хорошенько... // Там же. 1964. 8 окт. С. 2.
- 30 Кирсанов С.И. Вопреки букве и духу... // Там же. 1 окт. С. 2.
- 31 Глуценко А. Мнение тех, кто учится // Советская Россия. 1964. 9 окт. С. 3.
- 32 Панов М.В. Указ. соч.
- 33 Зимин П. Семь раз отмерь... // Литературная газета. 1964. 26 сент. С. 2.
- 34 Инбер В.М. Указ. соч.
- 35 Пленкин Н. Продуманно и обстоятельно // Учительская газета. 1964. 1 окт. С. 3.
- 36 Ладьяженская Т.А. Для учителя и ученика // Известия. 1964. 30 сент. С. 3.
- 37 Коган Б. И так и эдак? // Литературная газета. 1964. 26 сент. С. 2.
- 38 Калинин А.В. Позвольте омрачить праздник // Неделя. 1964. 20–26 сент. С. 15.
- 39 Тудоран А., Пеку В. Зачем это? // Учительская газета. 1964. 10 окт. С. 3.
- 40 Спасокукоцкий А. Берегите русский язык // Литературная газета. 1964. 1 окт. С. 2.
- 41 Смирнин В. Указ. соч.
- 42 Шуртаков С.И. Указ. соч.
- 43 Коган Б. Указ. соч.
- 44 Кирсанов С.И. Указ. соч.
- 45 Спасокукоцкий А. Указ. соч.
- 46 Глуценко А. Указ. соч.
- 47 Заходер Б.В. Указ. соч.
- 48 Задорнов Н.П. Указ. соч.
- 49 Успенский Л.В. Странное и непривычное станет привычным и обычным // Литературная газета. 1 окт. С. 2.
- 50 Зимин П. Указ. соч.
- 51 М.В. Панов писал: «...письмо убого и невежественно отождествляется с языком» (Известия. 12 окт. С. 3.)
- 52 Леонов Л.М. Указ. соч.